

Уже позже Луань Чэн понял: Бай Ю делал это нарочно. Его целью было не давать парню сосредоточиться на уроках, довести его до белого каления, а потом выставить условия. Мол, отдай тот персиковый меч, который фонит и мешает духам, тогда и замолчим.

Вторую половину урока физики они обсуждали его «совместимость» с Гу Цинхуаем. Но на третьем уроке — литературе — этот гад превзошел сам себя: он начал распевать оперу Хуанмэй!

— Птицы на ветках поют вдвоем~~ Зеленые горы и синие воды улыбаются нам~~ — пел он, кокетливо выставляя пальцы «орхидеей». — Хоть хижина бедна, она укроет от дождя~~ Любовь соседей по парте горька, но сладка-а-а~~ Мы с тобой как неразлучные утки-мандаринки~~ Летим крыло к крылу в мире людей~~~~~

(примечание : Опера Хуанмэй - Традиционная китайская опера. Бай Ю поет классический сюжет о влюбленных, подставляя туда «соседа по парте»)

«Мать твою, да что ж это за зоопарк!» — ругался про себя Луань Чэн, вгрызаясь зубами в колпачок ручки. Наконец, не выдержав, он решил обратиться к «первоисточнику». Раз он не мог говорить с воздухом посреди урока, оставалось только заставить Гу Цинхуая решить проблему.

Луань Чэн вырвал клочок бумаги и написал: «Дружище, ты можешь попросить своих друзей хоть на минуту заткнуться?» — и незаметно подтолкнул записку к соседу.

Гу Цинхуай опустил глаза, мазнул взглядом по тексту и, взяв ручку, которой не шевелил с самого начала урока, ответил: «Каким глазом ты увидел, что они похожи на моих друзей?»

Луань Чэн сравнил свои корявые каракули с изящным, острым почерком Гу Цинхуая и замер: «Не друзья? А чего тогда ты им стулья мастеришь? Кому ты врешь?»

Гу Цинхуай: «Тот, к кому проявляешь дружелюбие — не обязательно друг или член семьи. Это может быть кредитор».

Луань Чэн: «...Мне научить тебя правильно жечь ритуальные деньги?»

Гу Цинхуай: «Не надо. Долг не в деньгах».

Луань Чэн: «?»

Гу Цинхуай: «В жизни».

Луань Чэн: =O |||

Гу Цинхуай бросил на него быстрый взгляд — его серо-голубые зрачки были холодны и неподвижны. Он спрятал записку и снова уставился на доску. Луань Чэн заметил, что тот смотрит на доску не отрываясь, буквально в упор. Возникло сильное подозрение: слушает ли он учителя или просто смотрит сквозь доску, думая о чем-то своем?

Бай Ю вальяжно подплыл к лицу Луань Чэна: — Та-а-ак, мальчики, не слушаем учителя, передаем любовные записочки? Нехорошо.

Луань Чэну до боли в костяшках хотелось ему врезать — если бы только он не боялся, что тот и впрямь высосет его жизненные силы.

Не обругать, не ударить — ощущение было тошнотворное.

Луань Чэн вырвал новый листок: «Старший брат, умоляю, дай мне спокойно посидеть на уроке!»

Бай Ю глянул на записку: — Ц-ц-ц, с таким почерком тебе бумагу переводить — только зря деревья губить.

Луань Чэн стерпел: «Да, перевожу зря, я виноват перед бумагой. Поэтому мне надо хотя бы оценки подтянуть, а? Чтобы хоть перед ручкой не было стыдно. Пожалуйста, потише. Вообще-то табурет, на котором вы сидите, наполовину сделан из моего альбома».

Бай Ю с усмешкой покосился на карман Луань Чэна: — Я бы и рад затихнуть, да вот штуковина в твоём кармане вызывает у меня мигрень. А когда у меня болит голова, я становлюсь очень шумным. Ну, и что будем делать?

А что тут сделаешь? Луань Чэн и сам видел: персиковый меч явно «поджаривает» Бай Ю. Но, как он уже решил, отдавать защиту страшно. Меч при нем — и Бай Ю только пугает тем, что выпьет энергию, но не делает этого. А если отдать? Вдруг получится?! Не хватало еще стать первым в истории школы учеником, умершим от истощения «ян»!

Ни за что. Луань Чэн с кислой миной смотрел на ухмыляющегося призрака.

Учителем литературы была та самая классная дама, Лю Даньна — «Королева». За этот урок она уже несколько раз косилась в сторону Луань Чэна и Гу Цинхуая. Наконец, когда её терпение лопнуло в четвертый раз, в сторону Луань Чэна пулей полетел огрызок мела!

Стук! Лю Даньна не зря носила свой титул. При росте 176 см она стояла у доски как скала, а благодаря хобби — фехтованию и стрельбе — меткость у нее была снайперская.

Она нахмурилась и припечатала: — Луань Чэн!

— Здесь! — Луань Чэн подскочил как ошпаренный.

— Что я сейчас читала? — Лю Даньна величественно сошла с подиума. — Переведи.

— ... — Луань Чэн лихорадочно копался в памяти, но там был только голос Бай Ю с его оперой.

— История Мин, — вдруг раздался незнакомый, приглушенный голос со стороны Гу Цинхуая.
— Глава девятнадцатая, жизнеописание Фэй Цзюя.

Луань Чэн опешил, но повторил: — «История Мин», глава девятнадцатая, жизнеописание Фэй Цзюя.

Лю Даньна уже стояла вплотную к его парте: — А перевод?

Не зная оригинала, откуда взяться переводу?

Луань Чэн замер, ожидая, что Гу Цинхуай снова его выручит. Однако со стороны соседа не донеслось ни звука. В конце концов, ему ничего не оставалось, кроме как выдать из себя:

— Простите, учитель, я не могу перевести.

Лю Даньна кивнула в сторону новичка: — Гу Цинхуай, теперь ты.

Тот встал и начал отвечать без малей запинки: — Фэй Цзюй, по прозвищу Цзыин, уроженец Ухэ. Его отец, Фэй Дэсин, за храбрость и недюжинный ум был назначен на пост конного стражника. С юных лет Фэй Цзюй упражнялся в боевых искусствах. Позже в Хаочжоу он встретил будущего императора Тай-цзу, который полюбил его за статную внешность и взял к себе на службу. Ополчение в Чжанцзябао осталось без предводителя, и Го Цзысин хотел их усмирить, но не было подходящего посланника...

Одноклассники слушали, разинув рты. Никто еще не знал, как учиться новичок, но видеть, как он шпарит перевод сложнейшего древнего текста, даже не заглядывая в книгу, было выше всяких похвал. Оригинал был не то чтобы бесконечным, но и коротким его не назовешь — неужели он выучил его наизусть?

Гу Цинхуай, на которого уставился весь класс, даже бровью не повел, сохраняя олимпийское спокойствие:

— Тай-цзу сказал: «Фэй Цзюй прежде был послан в Сучжоу, но не оправдал ожиданий. Я порицал его, и тогда он задумал мятеж». В итоге Фэй Цзюй был казнен как сторонник Ху Вэйюна, а его титул был аннулирован. — Помолчав секунду, он добавил: — Учитель, я закончил.

Лю Даньна одобрительно кивнула: — Отлично, садись. — Затем она снова повернулась к Луань Чэну: — А ты? Одиннадцатый класс на носу, а ты на уроках витаешь в облаках. Ладно бы на девчонок заглядывался, я бы еще поняла, но что ты в толпе парней высматривал с таким замороженным видом?

Раньше Луань Чэн как-то не задумывался, а теперь посмотрел — и точно: там, где крутился Бай Ю, сидели одни пацаны, причем далеко не самой притягательной наружности.

В их классе с гендерным балансом была беда. С учетом Гу Цинхуая теперь их было сорок шесть: двадцать девять парней и всего семнадцать девушек. Впрочем, сколько бы их ни было, Луань Чэна это мало волновало, хотя вслух он этого, конечно, не сказал.

— Виноват, учитель, впредь буду внимательнее, — Луань Чэн честно изобразил раскаяние.

— Садись. Еще раз замечу — будешь слушать лекции, стоя у доски, — отрезала Лю Даньна и продолжила урок.

Луань Чэн был местной знаменитостью: отлично дрался и посредственно учился (в основном из-за жесткого перекоса в сторону точных наук). Но при этом он был парнем правильным — уважал старших, обожал возиться с мелюзгой и жил по собственному кодексу чести. Он никогда не лез на рожон первым и не мешал другим учиться. Плюс ко всему, он был очень преданным другом. Так что, несмотря на драки и плохие оценки, его все любили. Даже учителя прочили ему неплохое будущее, считая, что с таким характером он точно не пропадет.

Но Гу Цинхуай, который всего этого не знал, сделал для себя лишь один вывод: «Мой новый сосед — типичный двоечник».

«Двоечник» сел на место, больше не рискуя коситься на Бай Ю. Тот всё еще что-то напевал, но Луань Чэн заставил себя вслушиваться в слова учителя. Когда наконец прозвенел звонок, терпение Луань Чэна лопнуло. Едва классная вышла за дверь, он повернулся к соседу:

— Слышь, напарник, это было не по-пацански. Раз ты всё знаешь, да еще и с такими «льготами», мог бы и подсказать!

Гу Цинхуай нахмурился. Луань Чэн ожидал услышать что-то вроде «извини», но после долгой паузы этот тип выдал:

— Слишком длинный текст.

Луань Чэн едва не выпал в осадок. Он-то из-за кого не может сосредоточиться?! У него и так с гуманитарными предметами туго, а если Бай Ю продолжит в том же духе, он вообще аттестат не получит!

Глядя, как Гу Цинхуай с невозмутимым видом подписывает новые учебники, Луань Чэн сжал в кармане персиковый меч. От этого соседа у него уже всё внутри закипало от негодования.

После четырех уроков наступило время обеда. Ученики потянулись в сторону столовой. Луань Чэн не пытался специально оторваться от Гу Цинхуая; они вышли из класса почти последними. Луань Чэн заметил, что новичок взял с собой зонт.

Если бы он не видел Бай Ю и Мин Юэ (аристократа звали Мин Юэ — «Сияющая Луна», Луань Чэн узнал это только на четвертом уроке), он бы решил, что Гу Цинхуай — жуткий неженка, раз в такой ясный день прячется под зонтиком от солнца. Но сейчас он сразу понял: парень создает тень для этих двоих «предков».

И точно: перед выходом из здания Гу Цинхуай раскрыл зонт, и Бай Ю с Мин Юэ тут же «приклеились» к нему. Температура вокруг Гу Цинхуая мгновенно упала на пару-тройку градусов. У Луань Чэна зачесался затылок.

Зонт Гу Цинхуая на первый взгляд казался обычным: серебристый снаружи, черный внутри. Но присмотревшись, можно было заметить по краям три кольца золотистых рун, которые таинственно мерцали на солнце. Луань Чэн не понимал значения этих символов, а спрашивать при народе было неудобно. Он видел, как другие ученики с недоумением косятся на парня с зонтом, но было ясно: их удивляла лишь странная привычка, а не магическая суть вещи.

Чжоу Пэн, вечно ходивший обедать с Луань Чэном, подскочил к ним: — Ты чего под зонтом-то в такую погоду?

Поскольку это было простое любопытство, Гу Цинхуай ответил спокойно: — У меня тяжелая аллергия на ультрафиолет.

Чжоу Пэн слышал о таком, поэтому кивнул и не стал допытываться. А вот Луань Чэн, зная правду, задумался. После второго урока Гу Цинхуай забирал книги и оформлял карту, поэтому пропустил общую зарядку. Но как он собирается выкручиваться дальше? Неужели он планирует вообще не выходить на улицу без зонта?

Стоя в очереди за едой, Луань Чэн вскользь спросил: — Кстати, сосед, ты из какой школы перевелся?

Гу Цинхуай изучал меню: — Из Первой городской.

Луань Чэн подумал, что Первая — школа отличная, ничуть не хуже их Шэнъяна.

— Обычно в одиннадцатом классе редко кто переводится, — заметил он.

Не успел Гу Цинхуай открыть рот, как Бай Ю, выпорхнувший из-под зонта в прохладу столовой, вставил свои пять копеек:

— Это верно, в старших классах почти никто не дергается. Но наш Цинхуай — не как все. Если бы он сейчас не перевелся, у него бы шанса не осталось...

Договорить он не успел — Гу Цинхуай ледяным взглядом оборвал его на полуслове.

Бай Ю усмехнулся: — ...шанса познакомиться с тобой, Сяо Луань Чэн. Так что видишь, какая у вас с Цинхуаем судьбоносная связь? (Бай Ю добавляет «Сяо» (маленький), что звучит покровительственно и игриво)

Связь-то, может, и судьбоносная, но Луань Чэна зацепило это оборванное «шанса не осталось бы...». Не осталось бы — чего?

Он стоял прямо перед Гу Цинхуаем и ясно видел предупреждающий блеск в его глазах. Чутье подсказывало: Бай Ю явно не про знакомство хотел сказать. Гу Цинхуай ведь сам говорил: долг не в деньгах, а в жизни.

«Твою ж...! — подумал Луань Чэн. — Неужели Бай Ю хотел сказать, что если бы Гу Цинхуай не перевелся в Шэньян, он бы умер?» Это звучало слишком уж жутко.

<http://bllate.org/book/16943/1571870>